

*Каролине Мишель,
с любовью и улыбкой*

Волчица

Ей снится собственная смерть. Это происходит, когда над Лондоном занимается холодный октябрьский рассвет.

На голову ей накидывают мешок. Сквозь рыхлую мешковину она в последний раз смотрит на этот мир, сократившийся до скопища крошечных квадратиков серого света, и думает: «Зачем я так долго и упорно пыталась пробиться в мире, где была обречена с тех самых пор, как явилась из материнской утробы? Отчего не шагнула я навстречу смерти, будучи ребенком, ведь дети воображают, что смерть — это нечто сказочное и полное причудливой красоты?»

Она чувствует, как петля из пеньковой веревки ложится на шею, и знает, что петлю эту так и тянет слиться в соитии с огромным бугристым узлом у нее за затылком. Узел щекочет место, где встречаются шея и голова. Вскоре люк у нее под ногами откроется, и она упадет в бездну, ноги ее повиснут, как ноги тряпичной куклы. Шея хрустнет, и сердце встанет.

Никто, кроме нее, не знает, что этот сон о смерти — репетиция того, что непременно однажды с ней

произойдет. Никто еще не знает, что она убийца. Все видят в ней невинную девушку. Через месяц ей исполнится семнадцать. У нее ямочки на щеках и мягкие каштановые волосы, тихий голос и золотые руки. Она работает в знаменитой на весь Лондон «Лавке париков» Белль Чаровилл. По воскресеньям, надев платье из голубой саржи, она ходит в церковь. И называли ее в честь цветка: Лили¹.

Один из прихожан в этой церкви наблюдает за ней. Он старше ее: она думает, что ему около сорока. Но ей по душе томление, которое она видит в его взгляде. Возможно, потому что, замечая костерок желания — незатухающий, как разноцветные лучи света, что проникают в церковь сквозь витражное стекло, — она на пару мгновений забывает о содеянном и о каре, которую однажды понесет за свое преступление. Более того, она даже начинает предаваться мечтам о некой благочинной жизни, что ждет ее впереди.

Она рисует в своем воображении один момент — словно сцену из пьесы. Она сидит в церковном дворе рядом с этим незнакомцем. Уже весна, но на улице еще прохладно. Они на каменной скамье, совсем близко, и сквозь платье она ощущает холод камня. Она озябла и немного дрожит, поэтому мужчина берет ее за руку. Его ладонь тепла и сильна. Он бережно сжимает ее пальцы — не безжалостно или безотвязно, как узел сдавливает петлю, но с преходящей живой лаской. И это вызывает в ней ужасное жела-

---

¹ Lily — лилия (англ.). (Здесь и далее, если не указано иное, — прим. перев.)

ние сознаться в своем преступлении, чудовищность которого камнем лежит у нее на сердце, иногда напоминая о себе. Она поворачивается к незнакомцу, смотрит в его глаза, такие серьезные и добрые, и говорит: «Знаете ли вы, что я совершила убийство?» И он отвечает: «Да, я это знаю, но, пожалуй, не буду об этом думать, потому что у вас была на то хорошая причина».

Хорошая причина.

Но это лишь мечта, фантазия, выдумка...

В 1850 году, когда ей было всего несколько часов от роду, мать оставила ее у ворот парка в районе Бетнал-Грин на востоке Лондона. Ворота были кованые. Лили была запелената в мешок. Прежде чем ее обнаружили люди, волки, что обитали на болотах Эссекса, под покровом ноябрьской ночи прокрались в город, привлеченные его густым смрадом, и зашли в парк, и услышали плач младенца, который поначалу приняли за скулеж волчонка, и просунули морды в щели между железными прутьями ворот, и одна волчица ухватила зубами сверток и потянула его к себе. Быть может, она хотела бережно обойтись с детенышем, но ее острые клыки вонзились в ножку младенца: мешковина пропиталась кровью, и, почуяв запах, стая испустила голодный вой.

Это и привлекло к воротам дежурившего в ту ночь констебля полиции. Он поднял свой фонарь повыше и разглядел в мешковине пронзительно кричавшего и истекавшего кровью младенца. Он взял девочку на руки. Он был еще юн и собственных детей не имел, но в попытке согреть бережно прижал ее к себе,

как прижал бы родитель свое новорожденное дитя, и форма его намокла от крови. Его переполняли ужас и восторг.

Сквозь темноту он зашагал в сторону Корам-Филдс. Налетела гроза, и к тому моменту, когда констебль добрался до Лондонского госпиталя для найденшей¹, его трясло от холода и сырости. Сторожа впустили его внутрь и забрали ребенка, которого он прижимал к своей дрожащей груди. Они спросили у него, не его ли это дитя, но он сказал, что нет, что нашел девочку у ворот парка Виктории и спас ее от волков. Ему ответили, что в Лондоне таких зверей давно не водится, что они почудились ему из-за лихорадки, и он заспорил: в свете полицейского фонаря он видел именно их, их глаза серебром блестели в абсолютной темноте, а затем показал на кровь, которая впиталась в мешковину на месте укуса.

Забрезжил рассвет, и в госпитале разожгли камин. Полисмен сидел возле огня в белье, завернувшись в покрывало и попивая горячий чай, и младеница лежала на столе, все еще в разводах крови от рождения, но уже освобожденная от мешковины и запеленатая в старую простыню. Позвали медицинскую

---

¹ Приют для детей-сирот и выходцев из неблагополучных семей, располагавшийся в центре Лондона в округе Камден. Основан в 1739 году английским моряком и филантропом Томасом Корамом. В 1920-х госпиталь со всеми его воспитанниками и сотрудниками переселили в пригород Лондона, где условия были более благоприятными для детей, и он просуществовал до 1950-х годов. Сейчас на месте госпиталя в Лондоне располагается мемориальная детская площадка Корам-Филдс, а в перестроенном здании работает Музей истории Госпиталя для найденшей.

сестру, и рану на ребячьей ножке промыли и перевязали; чтобы согреть, девочку завернули в одеяльце из кроличьих шкур. Она была на пороге смерти из-за того, что ей пришлось вынести в первую же ночь на этой земле. Она посасывала палец сестры, который та обмакнула в кашу из муки и воды.

В Лондонском госпитале для найденшей существовал обычай: в знак раскаяния мать должна была оставить что-нибудь на память своему брошенному ребенку. Например, пуговицу, или погнутую монету, или отрез материи — что-то небольшое и бесполезное, но дорогое женщине, собравшейся расстаться с существом, которое ей следовало бы растить и любить. Иногда вместе с такими вещами оставляли записку — обещание, что однажды мать вернется за своим ребенком и постарается окружить его добротой. Иногда женщины оставляли записку с именем для младенца, похоже, не ведая, что эти имена тотчас отнимали у них и заменяли другими. Ибо попечители госпиталя считали, что матери, не способные позаботиться о своих отпрысках, были нечестивыми грешницами. Они принадлежали к тому роду людей, которых в обществе называли «недостойными» и которые, как считалось, не заслуживали права понапрасну привязывать к себе ребенка, окрестив его тем или иным образом. Начальство госпиталя предпочитало самостоятельно крестить детей — такое право они признавали за собой, их благодетелями.

Лили позже рассказали, что мешок перетряхнули в поисках какой-нибудь памятной вещицы, бирки или записки с именем, вложенных туда вместе с нею,

но ни вещицы, ни бирки, ни записки там не нашлось. А нашелся там, на самом дне мешка, странный пук седых человеческих волос, испачканных теперь ее кровью, и никто не знал, откуда они там взялись. Служащие госпиталя пытались усмотреть в этих волосах некое тайное послание, но так ничего и не поняли. И все же они сохранили этот мешок с волосами, ибо однажды эта тайна могла проясниться.

Дав девочке имя Лили, попечители наделили ее и фамилией, милостиво подаренной ей одной из благодетельниц — высокородных леди, чьи сухие сердца были смазаны маслом сострадания. Они тешили себя мыслью, что благодаря их деньгам дети проследуют по жизни праведным путем. Так она получила фамилию Мортимер — в честь леди Элизабет Мортимер, дочери графа и хозяйки приозерного замка в Шотландии, которая, однако, родилась с горбом, из-за чего ни один мужчина не брал ее в жены, и вся ее неистраченная страсть изливалась в благотворительность. Лили подарили миниатюру с портретом леди Элизабет, но на той было изображено одно лишь ее лицо, белое и миловидное, но не согбенная спина, ставшая причиной крушения ее жизни и надежд.

Посасывая палец сестры, закутанная в кроличье одеяло и согреваемая у камина, Лили дождалась рассвета. Позже ей рассказали, что молодой констебль, сидевший рядом с ней, забылся лихорадочным сном, и его перенесли на кровать, дабы он не встретил безвременную смерть в госпитале Корама. Но он не умер и, как она позже узнала, через две недели вернулся, вопрошая, выжил ли спасенный им найденыш.

Он назвался констеблем Сэмом Тренчем. Он рассказал сторожам, что, шагая из Бетнал-Грин под ливнем и ветром, прижимая к груди этого младенца, проникся к нему большим сочувствием и теперь желал снова поддержать Лили на руках. Но к моменту его возвращения ее уже увезли.

— Увезли? — переспросил он. — Из-за раны на ноге?

— Нет, — ответили сторожа, — увезли за город, в приемную семью. Так у нас заведено. На несколько лет мы отсылаем детей на воспитание в благочестивые семьи. А потом забираем их обратно.

На ферме «Трачевник»

Когда глаза Лили открылись миру и ее детский ум начал впитывать его образы, первым, что она увидела, оказались пушинки чертополоха, витавшие на фоне залитого солнцем неба.

Позже она поняла, что этот пух засорял землю и мешал траве расти; с ним боролись, но он вольготно разлетался повсюду, и все лето восточный ветер разносил по округе семена чертополоха. Выше летали ласточки и стрижи — иногда так высоко, что их едва можно было разглядеть, словно они были соринками, которыми то туда, то сюда перекидывался полуденный бриз.

Таковы были первые воспоминания Лили: бесконечность синего неба, вереница пушинок в его вышине, птицы в зыбких небесах. И эти образы она хранила в себе на протяжении почти семнадцати лет жизни, мысли о них утешали — она представляла, будто однажды сама станет частью этого эфемерного мира, покинув мир земной, который был так добр к ней в первые шесть лет, а потом завел во тьму.

Место, где рос чертополох, называлось фермой «Грачевник». Стояла она в такой дремучей глубинке Суффолка, что выбраться оттуда было затруднительно. Словно вздымающееся со всех сторон море, ферму окружали густые леса, и тропинки, которые упорно забирали на запад, к длинной, изрытой колесами просеке, что выводила к тракту на Свэйти, уступали любой прихоти природы, вздумавшей каждый дюйм их заполнить вереском, чертополохом и репьями.

Все это означало, что, оказавшись на ферме «Грачевник», вы не захотели бы ее покинуть. Вы просто забывали, как необъятен мир за ее пределами. Невозможно было и мысли допустить, что в семидесяти милях оттуда есть такой город, как Лондон, где маленьких детей заставляют чистить дымоходы, гнуть спины за ткацкими станками, жить впроголодь и спать вчетвером или впятером в одной кровати.

Дворовые постройки на ферме «Грачевник» были забиты сломанными телегами, разномастными обломками ржавеющего железа и множеством предметов домашнего обихода, нажитых за долгое время, а затем выброшенных и ныне погребенных под сенью лет. Крысы вели здесь привольную жизнь: они не боялись тех, кто замечал или пытался их шугануть, и Перкин Бак, хозяин фермы, не обращал на них внимания, словно верил, что крысы намеревались поглотить все, от чего отказались люди, вещь за вещь, и однажды оставить его сарай чистыми и опустевшими от хлама. Но крысы прилагали силы только для увеличения численности обитателей фермы и прятали свое потомство в темных углах между предметами, и эти крысята, мелкие и голые, совершая свои